

УДК 821.111.(73)Дикинсон Э.

ПОЭТИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЭСТЕТИКИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА И ПОИСК СОБСТВЕННОГО ПУТИ

О. Л. Хаецкая,

*магистр гуманитарных наук, аспирант
кафедры зарубежной литературы БГУ,
преподаватель кафедры английского
и восточных языков, БГЭУ*

Поступила в редакцию 23.11.18.

UDC 821.111.(73)Dickinson E.

POETIC WORLD PERCEPTION IN THE WORKS OF EMILY DICKINSON: RETHINKING OF TRANSCENDENTALISM AESTHETICS AND SEARCHING OWN WAY

O. Khaetskaya,

*Master of Arts, Postgraduate Student of
the Department of Foreign Literature,
BSU, Teacher of the Department of
English and Eastern Languages, BSEU*

Received on 23.11.18.

На основе анализа поэзии Эмили Дикинсон изложены ее мировоззренческие взгляды, раскрыто видение поэзии и образа поэта, отмечены специфические черты поэтического стиля новоанглийской поэтессы; выявлены идеи, которые Э. Дикинсон разделяет с основоположником трансцендентализма Р. У. Эмерсоном; представления, в которых пересекаются концепции Э. Дикинсон и У. Уитмена; и положения, в которых эстетика американских авторов XIX века кардинально расходится.

Ключевые слова: американская литература; трансцендентализм; поэзия; художественный прием; поэтика; поэтический стиль.

On the basis of the analysis of Emily Dickinson's poetry her outlook principles are shown; her view of poetry and poet is demonstrated. The distinctive features of New England poetess's artistic style are provided. The basic ideas and concepts common for E. Dickinson, R. W. Emerson and W. Whitman are revealed and the ones not shared by the American authors are defined.

Keywords: American literature; transcendentalism; poetry; artistic device; poetics; poetic style.

Эмили Дикинсон – практически не известная своим современникам затворница и признанный литературным миром XX и XXI веков классик американской культуры, изменивший не только направление американской поэтической мысли, но и само определение поэзии и поэтического творчества.

Фундамент мировоззрения новоанглийской поэтессы заложили тексты Библии, работы Ч. Дарвина и М. Арнольда, произведения английских поэтов-романтиков, американских авторов – Р. У. Эмерсона, Г. Торо, Н. Готорна, Г. У. Лонгфелло, творчество Р. и Э. Б. Браунингов и Дж. Китса. В ее мировосприятии находят отражение принципы метафизической школы: постижение смысла бытия через органическое соединение логики и чувств; сочетание видимого со скрытым; «сближение разнородных понятий; остроумие, за которым скрыта глубокая позиция автора; интеллектуальность – способность проводить аналогии между далекими идеями, вести парадоксальные рассуждения

и на их основе делать определенные философские выводы; одиночество человека во Вселенной; мотивы противостояния Богу и вопрошание самого существования Бога» [1, с. 359]. Эстетические принципы Р. У. Эмерсона легли в основу созданной Э. Дикинсон поэзии мысли. У нее, как и у трансценденталистов, поэзия освобождает человека и одновременно лишает его почвы под ногами. Вместе с тем Э. Дикинсон идет намного дальше конкордского мыслителя и его последователей как в переосмыслении содержательного компонента, так и в трансформации формы произведений.

Процесс духовного самоопределения Э. Дикинсон связан с отказом от слепого самоотречения и посвящения себя «истинной вере» и религиозности в пуританском понимании с их идеей божественного избранничества. Амхерстская поэтесса отвергает повинование некой силе без понимания и постижения ее внутренней сути. Процесс этого постижения – бесконечный и нелегкий труд,

в котором, по мнению Э. Дикинсон, и заключается ее избранность. Здесь Э. Дикинсон по-своему следует основному принципу Р. У. Эмерсона о «доверии к себе». Суть принципа у Р. У. Эмерсона заключается в избранности каждого человека, при условии его доверия внутреннему голосу (голосу Бога), готовности идти индивидуальным путем к приобретению Высшей Истины и получению состояния высшей ясности. Для Э. Дикинсон получение ясного видения и понимания высшей сути только в результате безоговорочной веры вызывает сомнения и вопросы. Сомнение становится основным инструментом, необходимым художнице для ее интеллектуального поиска, разрушения пуританских канонов и полемики с положениями трансцендентализма.

В сравнении с Р. У. Эмерсоном, у которого «доверие к себе» – понятие философское, и У. Уитменом, который вносит в это понятие чувственный элемент, эротическую составляющую, Э. Дикинсон трансформирует этот принцип в жизнь, оставаясь верной собственному пониманию творчества. У Р. У. Эмерсона человеческая личность – категория универсальная, Э. Дикинсон, как и У. Уитмен, делает акцент на ее индивидуализации. При этом если У. Уитмен «своим *I celebrate myself* – ‘Я славлю себя’ воспевает физическое, духовное и эмоциональное -self» [2, с. 149], то Э. Дикинсон наделяет категорию человеческой личности психологической составляющей. Если Р. У. Эмерсон, будучи знаком с основными идеями оккультного мировоззрения и трудами Э. Сведенборга, делит бытие на два пласта: небесный план абсолюта и физический земной план, то для Э. Дикинсон дихотомия исключена. У нее бытие включает в себя жизнь, смерть и рассуждения о бессмертии, которые переплетаются между собой, переходят одно в другое. Смерть для Э. Дикинсон, с одной стороны, является тем мостом, который ведет к бессмертию, поэтому вызывает глубокий интерес к познанию ее тайны, а с другой – тем непостижимым, что несет в себе хаос и разрушение, лишая жизнь смысла и нарушая гармонию, потому пугает своей реальностью.

Одной из главных тем творчества Э. Дикинсон является природа. У романтиков природа и человек слиты – и в этом слиянии заключена гармония, у Э. Дикинсон, однако,

природа далека от человека, она представляет собой загадку, разгадать которую не дано. Дикинсонское дистанцирование Природы вносит в мир дисгармонию и неопределенность. Вместе с тем в этом нет трагизма или безысходности, нет обреченности и пессимизма, как у Р. У. Эмерсона, для Э. Дикинсон такое положение вещей заманчиво, это стимул для дальнейшего движения, причина, заставляющая сомневаться, как Фома Неверующий (Sceptic Thomas), проверять, исследовать новые грани и искать разгадки: «*These are the Signs to Nature's Inns – / Her invitation broad / To Whosoever famishing / To taste her mystic Bread*» – [3, с. 498, стих. № 1077]. «Природа предстает таинственным молчаливым Собеседником, ... она заключает в себе полноту духовного смысла, только смысл этот человек приоткрывает лишь моментами, урывками» [4, с. 178]. Если Р. У. Эмерсон, придерживаясь пантеистической трактовки, растворяет бога в природе, то у Э. Дикинсон природа самодостаточна и совершенна, она предстает самостоятельным живым объектом, наполненным духовным смыслом и полнотой знания, в том числе и о самой лирической героине: *Nature and God – I neither knew / Yet both so well knew me* [3, с. 414, стих. № 835]. Для Э. Дикинсон «природа столь совершенна, что не нуждается в божестве» [5, с. 9]. Поэтесса утверждает связь вещей в природе, демонстрируя сложность для познания каждого отдельного природного элемента. Вместе с тем стремление к познанию не идентично стремлению к слиянию, как у У. Уитмена.

Э. Дикинсон вторит Р. У. Эмерсону с его идеей о том, что «мир пребывает в постоянном движении и поэзия должна быть такой же изменчивой» [6, с. 120]. Отсюда в поэзии Э. Дикинсон противоречия, контрасты, неожиданные выводы, невозможность раз и навсегда найти ответы на вопросы или не сомневаться в полученном знании. Процесс познания мыслится ей бесконечным, достижение какого-либо состояния или ощущения для нее не может быть конечной целью. Для ее лирической героини важным становится исследование (Investigation) любого состояния и переживания в их разворачивании, во всем спектре их существования. Лирическая героиня Э. Дикинсон пробует (Taste) их в небольших количествах, чтобы, с одной стороны, не пресытиться и не утратить остроту

восприятия, с другой – чтобы не переступить тонкую грань, разделяющую перетекающие друг в друга состояния. Вместе с тем познать любое состояние, любое переживание во всей его полноте возможно у поэтессы только при наличии оттеняющего переживания, состояния-антагониста (Delight – Despair, Freedom – Idolatry, Suspense – Knowing, Happiness – Grief): «*Delight – becomes pictorial – / When viewed through Pain*» [3, с. 278, стих. № 572]; «*Adult Delight is Pain*» [3, с. 577, стих. № 1331]. Отсюда напряженный психологизм творчества Э. Дикинсон. Здесь она идет дальше, чем просто анализ причины эмоционального состояния, настроения или переживания, ей важно понять суть самого состояния, механизм происходящего в душе, его «бытие». В этом и заключается постижение мира через исследование опытным путем (Experience), не умозрительно и не на основе предположений или умозаключений: «*He has not lived who has not felt*» [3, с. 587, стих. № 1331]. В этом моменте очевидно еще одно расхождение Э. Дикинсон с Р. У. Эмерсоном: для трансценденталиста поэт – провидец, пророк, посредник между Богом и людьми, «который постигает Высшую Истину, получает высшее знание (knower), наделяет его голосом (sayer) и несет людям (doer)» [2, с. 148]. У Э. Дикинсон поэт – наблюдатель, исследователь (Observer, Investigator), который осторожно шаг за шагом учит видеть недоступное человеческому зрению. У Р. У. Эмерсона Истина передается, проводится, спускается через поэта к людям; у Э. Дикинсон поэт постепенно ведет человека, приближает его к Истине, поиск которой становится у нее смыслом человеческой жизни «*Tell all the Truth but tell it slant... / The Truth must dazzle gradually / Or every man be blind*» [3, с. 506, стих. № 1129]. Истинный поэт, по мнению Э. Дикинсон, может точно описать то, что видит, вскрыть суть, достать зерно. Если у Р. У. Эмерсона sayer – тот, кто владеет творческой силой слова, оратор, то у Э. Дикинсон sayer – ученый с пытливым умом: «*... The Figure of a Nut / Present upon a Tree / Equally plausibly, / But Meat within, is requisite / To Squirrels, and to Me*» [3, с. 497, стих. № 1073]. Этот ученый немногословный и точный, не использующий пространных описаний, предпочитающий недосказанность. При этом, «если у Р. У. Эмерсона недоговорен-

ность и таинственность являются неотъемлемой частью мировоззренческих представлений и одним из положений трансцендентальной философии, то молчание у Э. Дикинсон смыслонаполненно, оно превращается в художественный прием» [7, с. 168].

В поэзии Э. Дикинсон осуществляется бесконечный поиск ответов, возможности самовыражения, понимания со стороны окружающих. Во всем, в том числе и в поэзии, она стремится к правде: «*...for Beauty... / and I for Truth – Themselves are One*» – [3, с. 226, стих. № 449]. «Правда оказывается сродни Красоте и наоборот. Ради нее можно отдать все, ничего не пожалев» [8, с. 60]. Она не строит иллюзий, не убегает в мир фантазий, радуется жизни, мужественно принимает ее различные удары, уверенно и смело выносит вердикт одним жизненным обстоятельствам, выходит на борьбу с другими, преодолевая препятствия, утраты, саму себя. Внимание переносится с внешнего действия и событий на внутренний мир. Душа человека, человеческое сердце становятся авансценой, на которой разворачивается жизнь, вершатся судьбы, осуществляется познание. При этом поиски и познание происходят в состоянии одиночества, которым пронизано все творчество Э. Дикинсон (в отличие от У. Уитмена, чья поэзия преисполнена ощущением единения и связи всех со всеми и всем): «*The Consciousness... will be the one aware of Death / and that itself alone...*» [3, с. 399, стих. № 822]. Одиночество – это неизменное качество человеческой жизни, оно неизбежно, глубинно, огромно и безгранично. И именно одиночество у Э. Дикинсон становится необходимым состоянием для всестороннего исследования: «*I fear me this – is Loneliness – / The Maker of the soul / Its Caverns and its Corridors / Illuminate – or seal*» [3, с. 379, стих. № 777]. Поэзия для Э. Дикинсон становится отражением наблюдений, жизненного опыта: без витиеватости, пространности, без развернутых описаний и предисловий; кратко, осознанно, обдуманно и вместе с тем емко, конкретно, часто иронично и дерзко. Лирическая героиня Э. Дикинсон наблюдает, всматривается, вслушивается, проникает в самую глубину переживаний, в самую суть событий и обстоятельств, а сама поэтесса извлекает из наблюдаемого смысл, оставляя его зафиксированным на бумаге. Для Э. Дикинсон

нет шаблонов и схем, нет правил, по которым строится жизнь, следовательно, жестких правил, аксиом и истин, под которые нужно подстраивать поэзию. В этом они похожи с У. Уитменом, который отвергал стремление к поэтической красоте, декоративности (ширме), поэтическим фигурам, предпочитая естественность описаний и прямоту выражений и высказываний.

Стихи у Э. Дикинсон – это вспышка, обладающая силой, способной двигать скалы, сталкивать миры и стирать все с лица Земли, превращая в прах, заставляя содрогаться всех и вся: «*To pile like Thunder to its close / Then crumble grand away / This – would be Poetry – / Or Love – the two coeval come*» [3, с. 557, стих. № 1247]. В трех различных сферах бытия, на трех различных уровнях постижения жизни (физический – гроза в природе, душевный – эмоции, переживания, чувства героини, духовный – создание стихов) у Э. Дикинсон обнаруживается определенная аналогия, вырисовывается одинаковый механизм происходящих процессов: усиление напряжения, сгущение, ожидание и предчувствие (*pile, misgiving, exertion*) – мгновение затишья, замирания, остановки в предвкушении грома, всплеска, открытия (*suspense, dangle*) – столкновение, удар, взрыв (*crumble away, burst, reveal*) – Вселенская тишина, наполненная красками, звуками, чувствами и смыслами (*stillness, silence*).

Поэтический стиль Э. Дикинсон отличается фрагментарностью и лаконичностью. Ее поэзия – это приглашение к диалогу, где она играет формой, трансформируя традиционную для XIX в. форму стиха, вводя в поэзию прозаическую ритмику, и содержанием, наделяя лирическую героиню многогранностью, каждая грань которой – особый угол зрения, особая позиция, один из возможных способов восприятия и мироощущения. Многие знаки препинания у Э. Дикинсон заменены тире, которое выступает как средство музыкальности; существительные, иногда глаголы и прилагательные пишутся с заглавной буквы – это специфический прием, служащий элементом эмфатического ударения. Она экспериментирует с ритмом, создавая собственные модуляции ритмической картины стиха, и рифмой, которая может быть приближенной или вовсе отсутствовать. Произведения американской поэтессы изобилуют метафорами: *sweetest Success,*

flower of Soul, Blossom of Brain, funeral of God, surgeons = critics, wedding gift = Immortality, Perfume = Poetry, wave and moon make solemn vows.

Особое место в художественной манере американской поэтессы занимают символы, тяготение к сложности и подвижности которых Э. Дикинсон, бесспорно, наследует от Р. У. Эмерсона (*Circumference* – символ Божественной реальности, *Essential Oils* – символ жизненного опыта, *Rose* – символ жизни, наполненной красотой, наслаждением, любовью, *Attar* – символ сути творчества повторами; *Flower* – символ женской чувствительности, *Bee, Spider* – символ поэта, *Sun* – символ обогащающей, питающей силы).

Обращают на себя внимание дикинсонские эпитеты: *busy pencil, wizard erudite, forbidden ear, shady friend*; архаизмы: *behold, billows, woe, yonder, thy, thee* и устаревшие: *musket, frigate, lute, pray, coach*.

В поэтическом творчестве Э. Дикинсон часты повторы: «*Frequently the woods are pink – / Frequently are brown / Frequently the hills undress...*» [3, с. 8, стих. № 6]; «*Forgive me, if the Grave come slow – ... / Forgive me, if to stroke thy frost*» [3, с. 282, стих. № 577]; «*As if I asked a common Alms... / As if I asked the Orient*» [3, с. 153, стих. № 323]; «*Beyond the Art to Earn – / Beyond the trait to take away*» [3, с. 151, стих. № 321]; «*Some keep the Sabbath going to Church – / Some keep the Sabbath in Surplice*» [3, с. 153, стих. № 324], особое звучание и яркую выразительность ему (поэтическому творчеству) придают аллитерация и ассонанс: «*Wherefore, my baffled fingers*» [3, с. 36, стих. № 69]; «*The Daisy follows soft the Sun*» [3, с. 51, стих. № 106]; «*A Lady white, within the Field / In placid Lily sleeps!*» [3, с. 38, стих. № 74]; «*A sepal, petal, and a thorn / Upon a common summer's morn*» [3, с. 15, стих. № 19].

Неотъемлемой частью и специфической чертой мышления поэтессы и ее поэтической манеры являются контрасты, противоречия и парадоксы. Наличием контрастов и противоречий она подчеркивает свое понимание мира и жизни как динамических явлений, часто содержащих в себе противоположные процессы, переживания, представления, а ее парадоксы заключают в себе идею трагизма, они полны горечи, сопротивления, разочарования и крушения надежд: «*A jealous God*» [3, с. 698, стих.

№ 1719] – «*Heavenly Father*» [3, с. 319, стих. № 644]; «*We lose because we win*» [3, с. 15, стих. № 21]; «*Just lost, when I was saved*» [3, с. 75, стих. № 160]; «*A word is dead when it is said*» [3, с. 534, стих. № 1212]; «*Tell all the truth but tell it slant*» [3, с. 506, стих. № 1129]; «*Uncertain Certainty*» [3, с. 603, стих. № 1411].

Таким образом, отталкиваясь от основных положений трансцендентализма (концепция индивидуализма, принцип доверия к себе, духовное самосовершенствование, интуитивное постижение макрокосма через микрокосм, пиетет перед природным началом) и, вместе с тем, переосмысляя их, разрушая жесткие установки пуританского мышления (утилитарность, самоотречение, слепая вера в божественное избранничество, провиденциальность и эмблематичность), Эмили Дикинсон идет в творчестве собственным путем. Она постигает законы че-

ловеческого бытия через диалектику эмоций и духовной жизни, через углубление психологизма в рамках романтической эстетики. Новоанглийская поэтесса демонстрирует собственное понимание поэзии как отражения жизненного опыта, результата бесконечных поисков в процессе познания мира, Бога, себя, и создает специфический образ поэта как пытливого ученого, одинокого исследователя, которым движет стремление проникнуть в тайны неизведанного. Эмили Дикинсон экспериментирует с формой и содержанием произведений, оставляя невосребованными классические теории поэтического искусства и традиционные модели стихосложения. Она изобретает собственную, интеллектуальную, гуманистическую поэзию мысли и рисует сложный внутренний мир творческой личности, генетически связанный с американским национальным духом.

ЛІТАРАТУРА

1. Алиева, Т. И. Поэты – метафизики: От Джона Донна до Гамлета Исакханлы / Т. И. Алиева // *Azerbaijan in World Literature : papers from the conf.*, Baku, 27–29 May 2011 / Khazar Univ. ; ed.: E. Semedova. – Baku : Khazar Univ., 2012. – 595 p.
2. Хаецкая, О. Л. Концепции поэта у Р. У. Эмерсона, Э. А. По и У. Уитмена / О. Л. Хаецкая // *Весті БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Психологія. Філологія.* – 2018. № 3(97) – С. 147–152.
3. Dickinson, E. *The Complete Poems of Emily Dickinson* / E. Dickinson. – Boston–Toronto : Little Brown & Company, 1960. – 770 p.
4. Костицына, М. Г. Мир поэтической личности Эмили Дикинсон (поэзия и эпистолярный жанр) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / М. Г. Костицына ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2004. – 18 с.
5. Венедиктова, Т. Д. Эмили Дикинсон / Т. Д. Венедиктова // *История литературы США : в 7 т. / Т. Д. Венедиктова ; под ред. Я. Н. Засурского.* – М., 2003. – Т. 4. – 990 с.
6. Хаецкая, О. Л. Особенности поэтического мира Ральфа Уолдо Эмерсона / О. Л. Хаецкая // *Весті БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Психологія. Філологія.* – 2017. № 4(94) – С. 119–122.
7. Павлычко, С. Д. Философская поэзия американского романтизма (поэтическое творчество Ральфа Уолдо Эмерсона и Эмили Дикинсон) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / С. Д. Павлычко. – Киев, 1984. – 188 л.
8. Пятячков, Ю. С. Эстетические интенции «чистой поэзии» и поэтической медитации в лирике Ф. И. Тютчева и Э. Э. Дикинсон / Ю. С. Пятячков // *Научные стремления – 2015 : материалы VI Международной науч.-практ. молод. конф., Минск, 25-27 марта 2015 г. / ООО «Лаборатория интеллекта» и Центр молод. инноваций ; Энциклопедикс.* – с Минск, 2015. – С. 59–63.

REFERENCES

1. Aliyeva, T. I. Poety – metafiziki: Ot Dzhona Donna do Gamleta Isakhanly / T. I. Aliyeva // *Azerbaijan in World Literature : papers from the conf.*, Baku, 27–29 May 2011 / Khazar Univ. ; ed.: E. Semedova. – Baku : Khazar Univ., 2012. – 595 p.
2. Khayetskaya, O. L. Kontseptsii poeta u R. U. Emersona, E. A. Po i U. Uitmena / O. L. Khayetskaya // *Vesti BDUU. Ser. 1, Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya.* – 2018. № 3(97) – S. 147–152.
3. Dickinson, E. *The Complete Poems of Emily Dickinson* / E. Dickinson. – Boston–Toronto : Little Brown & Company, 1960. – 770 p.
4. Kostitsyna, M. G. Mir poeticheskoy lichnosti Emili Dikinson (poeziya i epistol'yarii) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.03 / M. G. Kostitsyna ; Kazan. gos. un-t. – Kazan, 2004. – 18 s.
5. Venediktova, T. D. Emili Dikinson / T. D. Venediktova // *Istoriya literatury SShA : v 7 t. / T. D. Venediktova ; pod red. Ya. N. Zasurskogo.* – M., 2003. – T. 4. – 990 s.
6. Khayetskaya, O. L. Osobennosti poeticheskogo mira Ralfa Uoldo Emersona / O. L. Khayetskaya // *Vesti BDUU. Ser. 1, Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya.* – 2017. № 4(94) – S. 119–122.
7. Pavlychko, S. D. Filosofskaya poeziya amerikanskogo romantizma (poeticheskoye tvorchestvo Ralfa Uoldo Emersona i Emili Dikinson) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.05 / S. D. Pavlychko. – Kiyev, 1984. – 188 l.
8. Pyatachkov, Yu. S. Esteticheskiye intentsii "chistoy poezii" i poeticheskoy meditatsii v lirike F. I. Tyutcheva i E. E. Dikinson / Yu. S. Pyatachkov // *Nauchnyye stremleniya – 2015 : materialy VI Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. molod. konf., Minsk, 25-27 marta 2015 g. / OOO "Laboratoriya intellekta" i Tsentr molod. innovatsiy ; Entsiklopediks.* – Minsk, 2015. – S. 59–63.